

Цзянь Нань немного помолчал, потом решительно произнёс:

— Я не уйду из индустрии.

Цю Кайди нахмурилась. С детства он почти никогда не перечил её решениям — а она ведь всегда поступала ради его же блага. С каких пор Цзянь Нань стал ей возражать? Когда это мягкий, послушный мальчик вдруг превратился в упрямого, думающего по-своему взрослого мужчину?

Но разве мать способна желать своему ребёнку зла?

С этой мыслью она заговорила:

— Ты всё ещё не отпустил Ли Чуаня? Не забывай, вы уже разведены. Зачем тебе оставаться в этом шоу-бизнесе?

При упоминании имени Ли Чуаня руки Цзянь Наня на миг замерли.

Он опустил голову и продолжил очищать орех в пальцах.

— Я знаю, что мы разведены, — тихо сказал он. — И я больше ни на что не надеюсь.

Цю Кайди немного смягчилась.

— Тогда ты...

Цзянь Нань задумался, прежде чем ответить:

— Сейчас у меня хороший менеджер, он действительно заботится обо мне. И потом, у меня с компанией ещё два года по контракту. Я понимаю, что вы хотите, чтобы я держался подальше от этой среды, но если я разорву договор в одностороннем порядке — сумма неустойки просто неподъёмная.

Цю Кайди об этом даже не подумала.

Цзянь Нань слегка улыбнулся:

— Ван Канмин — правда, неплохой человек. Если всё сложится, я подумаю... Но, мама, я не хочу торопиться с ним. Я не хочу быть с кем-то просто потому, что "так правильно". Я могу позаботиться о себе сам. Если встречу подходящего человека — замечательно. А если нет... я и один справлюсь.

В этой новой жизни он смотрел на всё иначе.

Теперь он знал: самое важное — быть счастливым. Остальное придёт само, всему свой срок. Спешка только всё испортит.

Цю Кайди долго всматривалась в его лицо:

— Ты правда так думаешь?

Он кивнул, серьёзно, по-взрослому:

— Правда.

При мягком свете лампы его лицо выглядело особенно утончённым — бледная кожа, ясные черты. Он был слишком худ, почти хрупок, но в осанке не было ни тени слабости. Спина прямая, взгляд живой — в нём чувствовалась сила, пробуждённая изнутри.

В нём действительно что-то изменилось: будто заново родившееся стремление жить, дышать, двигаться вперёд.

Из кухни донёлся голос отца:

— Нань-Нань, ужин готов!

Цзянь Нань сразу оживился, вскочил и улыбнулся:

— Мама, я пойду, ладно?

И, не дожидаясь ответа, почти вприпрыжку выбежал из комнаты — голодный, но довольный. Цю Кайди долго смотрела ему вслед, не в силах отвести глаз.

В воздухе густо стоял аромат лапши — домашний, тёплый, уютный.

Отец Цзянь Наня готовил великолепно. Он даже специально разбил в бульон яйцо, не целиком, а лёгкими мазками, чтобы получилась мягкая яичная паутинка, украсил блюдо зелёным луком. Лапша получилась упругая, насыщенная вкусом — одна ложка, и тепло разливается по всему телу.

— Ну как? — спросил отец, наблюдая за сыном.

Цзянь Нань зажмурился от удовольствия и рассмеялся:

— Папа, у тебя золотые руки! Всё вкуснее и вкуснее с каждым разом!

Отец подал ему стакан воды:

— Не торопись, в кастрюле ещё есть.

Цзянь Нань послушно кивнул.

Когда отец закончил мыть посуду и вернулся в спальню вместе с Цю Кайди, он спросил:

— Нань-Нань не согласился, да?

Цю Кайди кивнула:

— У него контракт ещё не закончился.

Цзянь Аньшэн только вздохнул — не удивился. Он погладил жену по спине, стараясь успокоить:

— Ну, если так, пусть будет так. Он уже взрослый, имеет право решать сам. Не стоит во всё вмешиваться, правда?

Цю Кайди фыркнула:

— Сказать-то легко. А сам будто не переживаешь.

Цзянь Аньшэн усмехнулся:

— У каждого ребёнка — своя судьба. Мы можем волноваться, но толку от этого немного. Перестань спорить, а то так и будет — парень домой вернуться побоится.

Цю Кайди тяжело выдохнула.

Похоже, всё-таки поняла.

На следующий день Цзянь Нань собрался обратно в город. Когда приезжал, почти ничего с собой не брал, а теперь еле застегнул молнии на чемоданах — мать и отец наперебой пихали ему вещи.

— Помни, — наставляла Цю Кайди, застёгивая чемодан, — с людьми поосторожнее, слова взвешивай, никому сразу не доверяй. Понял?

— Понял, — кивнул он, послушно и мягко.

— Нань-Нань, — вмешался отец, подавая чемодан, — я с мамой положил тебе немного нашей домашней засолки. В магазинах такого не купишь. На досуге вари себе что-нибудь, не живи на одних перекусах.

Цзянь Нань не удержался от улыбки:

— Пап, я ж это всё не съем.

Отец хлопнул его по плечу:

— Тогда поделись с коллегами. Всё натуральное, полезное, силы прибавит.

Цзянь Нань только вздохнул и покорно всё принял.

Попрощавшись с родителями, он наконец сел в метро. По пути зазвонил телефон — звонил его агент, Чжан Сяньчжоу.

— Нань-Нань, ты уже вернулся?

— Вернулся, Чжоу-гэ. Благотворительный вечер ведь сегодня, да?

— Ага, именно. Приезжай сразу в офис, — ответил тот. — После обеда нужно сверить программу, примерить наряд, бренд ждёт подтверждения по размерам. Времени впритык, так что не опаздывай.

— Понял, не волнуйся. Я скоро буду.

Агент ещё раз напомнил — аккуратнее в дороге, не забудь маску, береги себя — и только потом повесил трубку.

Метро шло быстро; к часу дня Цзянь Нань уже был дома, освежился и направился в компанию.

Когда поднялся на этаж, Чжан Сяньчжоу тут же подошёл к нему и, с улыбкой, потянул за рукав:

— Идём, познакомлю. Это твой новый ассистент по быту — Ма Цзили.

...

Цзянь Нань обернулся и посмотрел на Ма Цзили.

Ма Цзили оказалась невысокой девушкой с двумя забавными косичками. При виде Цзянь Наня она робко поклонилась:

— Здравствуйте, Цзянь-гэ. Я — Ма Цзили... ну, как «удача, что приходит сразу».

Цзянь Нань улыбнулся уголками губ:

— Приятно познакомиться. Я — Цзянь Нань... «просто и несложно».

Ма Цзили хихикнула, смутившись, но уже чуть свободнее.

Первое знакомство прошло удивительно гладко — между ними сразу установилось лёгкое, доброжелательное взаимопонимание.

После короткого знакомства агент Чжан Сяньчжоу принялся объяснять детали вечернего мероприятия.

Он сидел, помешивая чай с ягодами годжи:

— Слушай, это событие «Алибэйбэй» продвигает со всем размахом. Пригласили кучу звёзд, раскручивали аж две недели — каждая платформа на ушах стоит. На месте будет три тысячи камер, трансляция вживую, всё ради того, чтобы раскрутить проект «Древо Энергии».

Цзянь Нань кивнул:

— Понял.

— Главное — не волнуйся. Вечер сегодня больше про блеск и пиар, — продолжил Чжан Сяньчжоу. — От тебя ничего особенного не требуется: покажись, отметься, улыбнись — пусть публика запомнит лицо.

Цзянь Нань послушно кивнул:

— Я понимаю. Не переживай, Чжоу-гэ, в такой компании, как сегодня, мне вряд ли выпадет повод выделяться.

Агент хмыкнул, хитро глянув поверх чашки:

— В шоу-бизнесе, парень, никогда не знаешь, с какой стороны прилетит. Тут всё решают случайности — их больше, чем песка на пляже.

Благотворительный вечер.

Загородный выставочный центр, обычно тихий и пустынный, сегодня сиял, будто сам превратился в часть светового шоу. Поток машин тянулся без конца — сплошные лимузины и редкие спортивные модели. На входе царил суев: журналисты, репортёры, вспышки камер, охрана.

Интернет кипел — каждое приложение включило прямую трансляцию, комментарии летели со скоростью света.

Сеть бурлила:

«Ради Ли-гэ готова тратить весь трафик, лишь бы посмотреть!»

«Аааа! Лю Аньмин! Люблю его!»

«Столько звёзд сразу! Это же праздник!»

Фанаты устраивали настоящий флешмоб, бесплатно рекламируя мероприятие — вся лента только об этом.

По правилам, гости входили по красной дорожке, каждый под вспышки камер.

Перед Цзянь Нанем шла актриса первой величины — Дон Дон, знаменитая своей эксцентричностью. Её алое платье переливалось, словно пламя, каждая складка ткани будто дышала. Она ступала по ковру с ослепительной улыбкой, а объективы осыпали её каскадом света.

— Дон-дзе! Сюда, Дон-дзе!

— Дон-дзе, посмотрите сюда!

— Дон-дзе, повернитесь, великолепно!

Фотовспышки лупили без остановки, гул голосов смешивался с шёпотом восхищения. Воздух сам дрожал от блеска и тщеславия.

А Цзянь Нань стоял чуть позади — спокоен, собран, с лёгкой улыбкой. Свет софитов мягко скользил по его чертам, отражаясь в глазах. Он не пытался затмить никого — но в этой невидимой сдержанности была особая, тихая притягательность.

Актриса на красной дорожке двигалась с отточенной грацией — улыбалась, махала рукой репортёрам, поворачивала голову ровно под нужным углом. Всё — как по нотам. Сверкание вспышек сопровождало её до самого конца дорожки, и уже через минуту ведущий жестом пригласил следующего участника.

У обочины остановился чёрный минивэн. Дверца плавно открылась — из машины вышел Цзянь Нань.

В ту же секунду шум стих.

То, что секунду назад гудело и сверкало, вдруг осело в неловкой тишине. Камеры всё ещё были

подняты, но ни одна вспышка не сработала.

Сегодня Цзянь Нань был в строгом чёрном костюме с тонкой белой полоской — лаконичном, но идеально сидящем. Ровная осанка, лёгкий шаг, спокойное выражение лица. Его тонкие черты под строгим пиджаком казались чуть взрослее, мягкость взгляда — сдержанней.

Он шёл по ковру, сохраняя безупречно вежливую улыбку — ни малейшего признака смущения от холодного приёма.

И именно эта его невозмутимость, спокойное достоинство вдруг будто пробил тишину. Несколько камер щёлкнули — робко, потом увереннее.

— Учитель Цзянь! Сюда, пожалуйста!

— Цзянь-лаоши, улыбнитесь!

— Вот, вот, отлично, гляньте в эту сторону!

Щёлканье вспышек снова ожило — ровно и ритмично, словно к нему возвращалось дыхание внимания.

Он мягко повернулся к объективам, слегка наклонил голову, уголки губ приподнялись — не жеманно, не нарочито, а просто... искренне.

Этот жест был прост, но именно в нём чувствовалось всё: выдержка, уважение и тихая уверенность.

К тому моменту, как он пересёк дорожку, публика уже снова оживилась. Кто-то даже крикнул:

— Цзянь-лаоши, удачи сегодня!

Он лишь чуть приподнял руку в ответ.

За красной дорожкой начинался главный зал — огромный, круглый, словно стеклянная оранжерея, утопающая в зелени. Всё пространство было оформлено в изумрудных и мятных тонах — символ кампании «Древо Энергии». Даже освещение мягко переливалось зелёным светом, будто дыханием леса.

Как только он вошёл, камеры вновь активировались — трансляция уже шла в прямом эфире.

Зрители в онлайн сразу заметили новичка:

«А это... Нань-Нань?!»

«Его же нет в официальном списке участников!»

«Уберите, не могу на него смотреть!»

«Так не смотри, никто не заставляет.»

Он сделал вид, что не слышит — не видел, не читал. Просто улыбнулся сопровождающему сотруднику и тихо спросил:

— Есть карточки с номерами мест? Куда мне садиться?

— Это благотворительный вечер, — с улыбкой ответил тот. — У нас нет деления на ряды, выбирайте любое место.

Цзянь Нань кивнул.

Когда сопровождающий отошёл, он огляделся. Почти все уже расселись — яркие костюмы, шелест тканей, лёгкий запах духов, смех, перекрёстные взгляды. Каждый занял свою территорию.

Он вздохнул и решил, что ему, пожалуй, лучше сесть подальше — где-нибудь на задних рядах, где не так бросается в глаза.

Но стоило ему сделать шаг, как в кармане завибрировал телефон.

Он вытащил его — на экране всплыло сообщение в WeChat:

[Лю Аньмин]: Иди на шестой ряд.

Цзянь Нань замер.

Лю Аньмин?..

Глаза Цзянь Наня засияли.

В таком месте, полном чужих лиц, встретить знакомого — редкая радость. Он быстро оглядел зал, взгляд скользил по рядам — первый, второй, третий... шестой! Нашёл.

И, не колеблясь, поспешил к нему, пробираясь меж кресел.

Тем временем на пятом ряду, вокруг Ли Чуаня, толпились молоденькие актёры и актрисы.

На подобных мероприятиях умение «оказаться рядом» значило порой больше, чем награды или талант. Мест никто не закреплял человека за определенным местом, и потому каждый мечтал занять место рядом с Ли-гэ — главным именем вечера.

— Ли-гэ...

— Брат Ли, здесь свободно?

— Можно я сяду?

Вокруг звенели голоса, витали запахи десятков духов. Ли Чуань, сдержанный до холодности, ответил коротко, без колебаний:

— Нельзя. Занято.

Кругом сразу повисла неловкая пауза.

Среди собравшихся была и Сян Го — та самая, с кем Ли Чуань недавно снимался в реалити-шоу.

Сян Го недовольно поджала губы:

— «Занято»? И кто же этот счастливчик... а, постой... не тот ли это... Нань-Нань?

Слова словно прорезали воздух.

Ли Чуань, всё это время лениво перелистывавший программку, поднял взгляд.

И действительно — вдалеке, у задних рядов, Цзянь Нань, не замечая короткого прохода, тащился по длинному пути, обогнув половину зала, осторожно пробираясь между креслами, стараясь никого не задеть.

Сян Го понимающе хмыкнула:

— Так это он идёт? Ну теперь понятно.

Ли Чуань ничего не ответил.

Он не любил, когда вокруг суетились — особенно когда чувствовалось лицемерие и расчёт. Но... к Цзянь Наню это не относилось.

Только он способен так не спеша идти через весь зал, даже не подозревая, сколько на него сейчас смотрят.

И почему, чёрт возьми, так поздно?

Разумеется, камеры не упускали ни одного движения — стоило Ли Чуаню повернуть голову, как поток комментариев в прямом эфире вспыхнул мгновенно:

«О, Господи, опять Цзянь Нань! Опять лезет в кадр!»

«Наш Ли-гэ даже голову повернул! Он явно недоволен!»

«Да перестаньте, может, просто случайность?»

«Случайность? Он всегда так “случайно” оказывается рядом!»

Тем временем Цзянь Нань, тяжело дыша после своего обходного пути, добрался до нужного ряда.

В зале было полутемно — дизайнеры специально приглушили свет ради атмосферы, и теперь различать ряды стало задачей не из лёгких.

— Пятый, шестой... — бормотал он себе под нос, прищуриваясь.

Посчитал не туда.

И, уверенно решив, что идёт к шестому, свернул в пятый.

Он толкнул кресло, пробираясь вперёд — и только когда поднял глаза, сердце у него на мгновение остановилось.

Перед ним сидел Ли Чуань.

Цзянь Нань замер, не веря.

— Ли-гэ?.. — голос сорвался почти шёпотом, с ноткой удивления и чего-то ещё — того, что он поспешно спрятал в уголках губ.

Вокруг притихли.

Сян Го и ещё пара молодых актёров переглянулись, ухмыляясь:

Ну-ну, ещё один решил подмазаться. Сейчас получит отказ, как и все.

А Ли Чуань — просто смотрел.

Не моргал, не улыбался.

Только в глубине взгляда мелькнуло что-то — коротко, как отблеск старых чувств.

Ли Чуань полулежал в кресле, небрежно, с привычной ленивой грацией. Увидев, как Цзянь Нань приближается, он чуть приподнял бровь:

— Пришёл?

Цзянь Нань кивнул, прищурился — и вдруг потёр глаза, словно не веря им. Быстро осмотрел пятый ряд — нет, Лю Аньмина там точно нет. Потом поднял взгляд выше — и, наконец, заметил старшего брата, сидящего на ряд позади.

Ли Чуань, решив, что тот просто смущён, впервые за весь вечер снизошёл до того, чтобы сделать первый шаг:

— Раз уж пришёл — садись.

Вокруг сразу послышалось еле сдержанное удивление.

Никто, даже самые дерзкие из юных актёров, не ожидали, что Великий Ли Чуань сам предложит место.

Честно говоря, сам Цзянь Нань — тоже.

— Не стоит, — он улыбнулся неловко, чувствуя на себе десятки пристальных взглядов. — Ничего страшного, я найду другое место.

Ли Чуань чуть сузил глаза:

— А где ты собираешься сесть?

Голос его был тихим, но в нём проскользнул оттенок вызова — едва заметный, как скрытый ток.

Интересно, куда ты денешься, глупый мальчик?

В этот момент сверху раздался знакомый голос:

— Нань-Нань!

Цзянь Нань поднял голову — и лицо его осветилось радостью.

Лю Аньмин, наклонившись через спинку кресла, махал рукой, улыбаясь тепло, почти родственному:

— Чего не идёшь ко мне, а?

Глаза Цзянь Наня засветились, будто он наконец нашёл свой уголок в чужом зале. Он поднял руку в ответ:

— Сейчас, брат!

Они обменялись коротким, искренним приветствием — простым, но живым, и от этого особенно контрастным на фоне холодной вежливости зала.

Ли Чуань перевёл взгляд вверх. Его глаза прищурились, взгляд стал тёмным, опасно спокойным.

— Ну что ж, — тихо, почти невесомо произнёс он, когда Цзянь Нань обернулся, — приятного общения.

Цзянь Нань, не уловив подколки, добродушно кивнул:

— Спасибо, Ли-гэ. Я тогда пойду, ладно?

— ...

Молчание, полное подтекста.

Остальные лишь растерянно переглянулись.

Некоторые — с завистью, другие — с восхищением.

Он... отказал Ли Чуаню?

Такого не видели никогда.

Обычно именно к Ли Чуаню рвутся, добиваются, стараются привлечь внимание. А тут — он сам предлагает, а парень просто улыбается, говорит “спасибо” и уходит к другому.

Сеть взорвалась мгновенно:

«Ха-ха! А вот и тем, кто кричал “лезет в кадр”, привет!»

«Он же просто перепутал ряд, не драматизируйте!»

«Боже, отшил самого Ли Чуаня, вы видели? Ахаха!»

«Нань-Нань, красавчик! Вот это достойно!»

А в зале, между тем, атмосфера незаметно сменилась.

Молодые актёры рядом с Ли Чуанем вдруг стали тише, словно воздух сделался гуще.

Он по-прежнему выглядел безмятежно — глаза лениво прикрыты, на лице легкая полуулыбка, но никто не обманывался.

Это было то затишье, которое предшествует буре.

И только те, кто сидел рядом, чувствовали её по-настоящему.

С другой стороны.

Цзянь Нань подошёл и сел рядом с Лю Аньминем.

— Брат, — тихо позвал он.

Голос Лю Аньминя прозвучал не слишком громко, но достаточно, чтобы его услышали и на пятом ряду:

— Нань-нань, как же ты так далеко шёл? Устал, да? Всё лицо в поту. Иди-ка, вытру.

Цзянь Нань с лёгким смущением отстранился:

— Брат, я сам справлюсь.

Лю Аньминь усмехнулся, в голосе звучала привычная ленца и насмешка:

— Ты ведь не видишь, куда лезешь салфеткой. Сотрёшь грим — визажист потом убьёт. — Он наклонился чуть ближе, шепнул, словно в шутку, но слишком мягко, чтобы это было просто поддёвкой: — Кожа у тебя всё такая же нежная... хоть воду выжимай.

За этими словами тянулось ещё что-то — полупаеки, полуигра, в которой он позволял себе больше, чем следовало. Камера сюда не дотягивала, и он, похоже, чувствовал себя совершенно свободно. Настолько, что даже самые благодушные зрители, случись им это видеть, наверняка вздрогнули бы от его бесстыдства.

— Ты, кстати, знаешь, какая у этого вечера основная тема? — продолжил он, чуть прищурившись. — Подвинься поближе, брат расскажет поподробнее...

И вдруг —

Ли Чуань поднялся со своего места.

Все вокруг на миг замерли, глаза невольно обратились к нему.

Сян Го первой нарушила тишину:

— Брат Ли, что случилось?

— Ничего, — спокойно ответил тот, — просто гляжу, все будто хотят сесть сюда.

Никто ничего не понял.

Ли-ин-ди, как называли его за кулисами — великий кинодеятель, легенда экрана, — чуть приподнял уголки губ в ленивой, но опасной улыбке. Одним движением положил ладонь на плечо ближайшего молодого актёра и усадил его в своё кресло:

— Садись. Мы же все друзья. Не стесняйся.

С этими словами он развернулся и спокойно пошёл прочь, оставив за собой ошеломлённую компанию.

Шестой ряд.

Цзянь Нань как раз слушал что-то от Лю Аньминя, когда рядом будто бы мелькнула тень. Он обернулся — и встретился взглядом с тем самым человеком.

— Ли... Ли-ге?

— Ага, — коротко отозвался тот.

— Ты же сидел на пятом ряду? — Цзянь Нань не мог скрыть удивления.

Ли Чуань неторопливо опустился на сиденье.

— А разве здесь нельзя?

— Можно-то можно... — Нань всё ещё не понимал, что происходит, и глянул вперёд. — Но... твоё место заняли!

— М-м, — лениво откликнулся тот. — Девушке просто захотелось посидеть там. Мы ведь друзья. Неловко же отказывать.

Эта фраза разлетелась по прямой трансляции, и комментарии взорвались:

«Да кого ты обманываешь, Ли-ге! Какая ещё “девушка просто захотела посидеть”?»

«Ахахаха, она хотела посидеть рядом с тобой, а не на твоём месте!»

«Ли-ге, врешь и не краснеешь!»

Очевидно, и Лю Аньминь не поверил ни на слово. Мужчина облокотился на спинку кресла, подперев подбородок рукой, и с ленивым интересом бросил:

— Странно. Впереди ведь полно свободных мест.

Мелкий хищник, — мелькнуло у него в глазах. Думаешь, я не понял, зачем пришёл?

Ли Чуань, не меняясь в лице, сел чуть ближе, уголки губ приподнялись.

— Ты же как раз рассказывал о главной теме вечера, — протянул он с непонятной мягкостью.
— Вот и я решил послушать поближе, что скажет старший брат.

В воздухе зависла короткая пауза.

...И никто уже не понял, идёт ли сейчас разговор о благотворительном вечере — или о ком-то другом, сидящем между ними.

<http://bllate.org/book/12642/1121289>